

ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ СОВЕСЕДНИКОМ

ОДИН НА ОДИН СО ЗРИТЕЛЕМ

В своей книге «180 дней в огне. Из записок командарма 62» маршал Советского Союза В. И. Чуйков пишет: «К нам в Сталинград приезжал артист Сергей Михайлович Балашов. На свои сбережения он купил танк и подарил его Советской Армии. В Сталинграде для бойцов Балашов дал ряд концертов. Его выступления воодушевляли защитников Сталинграда. Я был на концерте и видел, с какой благодарностью бойцы встречали этого человека».

Прошло более 35 лет с той поры, о которой вспоминает бывший командующий легендарной 62-й армией. И вот недавно я побывал у народного артиста Российской Федерации С. М. Балашова, чье творчество стало в послевоенные десятилетия широко известно миллионам людей.

Необычное впечатление оставляет скромный рабочий кабинет Сергея Михайловича. Поначалу и не поймешь, кто же его хозяин — инженер или писатель, рабочий или звукооператор, геолог или человек, увлекающийся кинотехникой. В неожиданном соседстве здесь пребывают заваленный рукописями письменный стол и разложенный на маленьком верстаке слесарный инструмент. Вместительные стеллажи с сочинениями Маркса и Ленина, Циолковского и Павлова, с редкими книгами по истории искусства и разнообразная звукозаписывающая аппаратура.

И еще, что сразу привлекает внимание: висящая на стене большая карта Советского Союза, густо испещренная красными кружками. Кружков этих сотни — они раскинулись от Арктики до Памира и от Сахалина до Карпат. Тут и города, и поселки целинного края, и Братская ГЭС, и город-герой Волгоград, и новостройки Урала...

Это карта маршрутов, сделанных почти за полвека «Театром одного актера». Творческий диапазон выдающегося мастера художественного чтения необычайно широк. В исполнении Балашова вам надолго запомнятся и маленький трогательный в своей незащищенности гоголевский Акакий Акакиевич Башмачкин, и мужественный защитник русской земли князь Игорь, и лирический герой есенинской поэзии, бесконечно влюбленный в родную природу. Люди разных эпох, характеров, социальных и человеческих особенностей встают перед нами в спектаклях «Театра одного актера». В его репертуаре — Пушкин и Салтыков-Щедрин, Горький и Алексей Толстой, Шолохов и Самед Вургун... Но есть одно писательское имя, которое особенно дорого, особенно близко артисту Балашову — Владимир Маяковский.

— Почему? — переспрашивает Сергей Михайлович. — Для этого надо вернуться почти на полвека назад. Для меня это, как день рождения. 17 марта 1930 года. Ленинград. На сцене филиала Большого драматического театра шла «Баня». Я играл тогда Победоносикова. Можете себе представить мое состояние: один из первых спектаклей, можно сказать, премьеры, и в зале сам автор пьесы, который всем нам, молодым, представлялся воистину знаменосцем культурного фронта. Трудно передать сейчас, каким огромным, всепокоряющим было влияние «агитатора, горланглаваря» на всю творческую жизнь моего поколения. Народу в зале в тот вечер было полно, а мне казалось, что там только он один — Маяковский. Отлегло только тогда, когда Владимир Владимирович после спектакля пришел за кулисы и пожал мне руку.

— Но все же как случилось, что вы, по тем временам уже довольно опытный драматический артист, играли на сценах Перми, Уфы, Ленинграда и вдруг оставили театр и целиком посвятили себя искусству художественного чтения?

— Нужно вспомнить, какое это было время. Начало тридцатых годов. Лозунг «Пятилетку — в четыре года!» не сходил со страниц газет, им жила вся страна. Новые слова: социалистическое соревнование, трудовая вахта, Днепрогэс, Турксиб, Магнитка — звучали повсюду. Именно тогда я стал чувствовать: вне гражданской темы в такое время не может быть искусства, оно должно реально помогать народу. В таком душевном состоянии приступил я к работе над своей первой литературной композицией. Она называлась «Турксиб» и была посвящена трудовому подвигу покорителей пустыни, проложивших железную дорогу, соединившую республики Средней Азии с Сибирью. С этой программой я выступал на фабриках и заводах, на строительных площадках и на лесозаготовках. Следующей работой было «Письмо ленинградского пролетариата». А затем — большая композиция «ЧТЗ», посвященная строителям Челябинского тракторного завода, мужественным

людям, пришедшим в тайгу, чтобы при свете костров в лютые сибирские морозы замерзшими руками воздвигнуть невиданный по тем временам индустриальный гигант. В моей композиции переплетались две темы, две мелодии — рост завода и рост человека, разбуженного к новой жизни первыми пятилетками. В тесном общении с рабочей аудиторией с самого начала строительства завода и до его окончательного завершения я по-настоящему ощутил, какую большую силу таит в себе живое, согретое сердцем слово, и тогда убедился, что сделал правильный шаг, перейдя из театра на эстраду...

О тех давних временах артисту живо напоминает бережно хранимая им и сегодня ма-

ленькая красная «Книжка ударника». Видел я в его личном архиве и подлинный экземпляр «Постановления пленума заводского комитета ЧТЗ от 27 июня 1935 года», в котором говорится: «Об утверждении ударником ЧТЗ мастера художественного слова С. М. Балашова за лучшую композицию о строительстве Тракторного, которая вдохновила на исключительный производственный подъем рабочих — строителей и монтажников, способствовавшая окончанию строительства в установленные партией и правительством сроки».

Стремление работать «по-маяковски», вторгаться в самую гущу жизни определило содержание и характер многих последующих работ Балашова.

— Сергей Михайлович, говорят, в годы Великой Отечественной войны вы провели более тысячи выступлений в частях действующей армии?

— Было такое. Концерты наших артистических бригад проходили у пехотинцев и танкистов, артиллеристов и летчиков, моряков и саперов. Однажды на Северном флоте выступали на подводной лодке, атакующей германский линкор «Тирпиц». Ею командовал капитан второго ранга Лунин, большой любитель искусства. Прямо у торпедных аппаратов читал я морякам стихи Маяковского. На торпедке № 6 я надписал почерком поэта его фамилию. А спустя несколько дней, когда подводная лодка была на очередном выходе, в Баренцевом море, с ее борта пришла радиogramма: «Бригадиру фронтовой бригады Сергею Балашову. Автограф Маяковского доставлен адресату водоизмещением шесть тысяч тонн. Николай Лунин».

— А какое из выступлений мирного времени вам особенно запомнилось?

— Оно происходило в Шушенском, где когда-то отбывал сибирскую ссылку Ленин. Местные жители собрались около домика-музея, где жили Владимир Ильич и Надежда Константиновна Крупская. Здесь я читал им поэму Маяковского «Владимир Ильич Ленин», с которой выступал до этого во многих городах и концертных залах. Но не припомню за долгие годы случая, когда бы так остро ощутил волнующий до глубины души контакт, как в тот незабываемый для меня летний шушенский день.

Год от года ширится аудитория Балашова. С его искусством познакомились и зрители ряда социалистических стран. Примечательно, что после горячего приема, оказанного болгарскими слушателями спектаклю «Книгоноша», Сергей Михайлович стал почетным гражданином Народной Республики Болгарии. И, видимо, не случаен выбор тематики, привлечшей внимание артиста в самые последние годы. Он говорит:

— Задуман цикл композиций, в которых, образно говоря, хочется протянуть руку дружбы национальным литературам стран социалистического содружества. Цикл этот должен включать композиции по произведениям писателей Югославии, Болгарии и Польши.

— Сергей Михайлович, вся практика вашего «Театра одного актера», видимо, представляет очень широкое поле для творческого самовыражения артиста?

— Несомненно. Сам для себя составляю тексты литературных композиций, сам выступаю в качестве режиссера и исполнителя всех ролей, подбираю музыку и даже собственноручно, как видите, изготавливаю реквизит для своих спектаклей. В этом для меня вся прелесть моей работы. Хочется самому за все отвечать перед зрителем.

А. АМАСОВИЧ.